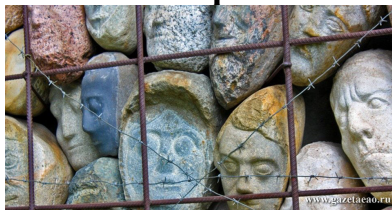

30 октября – День памяти жертв политических репрессий

В канун этой даты журналист газеты «Биробиджанер штерн» Ирина Манойленко в своей статье «Операция по живому» напоминает о том, что восемьдесят лет назад, в 1937 году в СССР начался «большой террор» – так назвали историки массовые политические репрессии против собственного народа, погубившие миллионы человеческих жизней. Безвинно пострадаЛИ в годы «большого террора» и более шести с лишним тысяч жителей нашей области.

Об этом «юбилее» скромно напомнили несколько центральных изданий, несколько публикаций о «большом терроре» появилось в интернет-изданиях. Тема репрессий, к сожалению, становится неактуальной, да и оценки этих трагических страниц истории часто даются чуть ли не с оправдательных позиций; мол, такое уж было суровое время, да и стоит ли снова ворошить прошлое.

Восемьдесят лет – это не далекое прошлое, в этот промежуток вмещается жизнь одного человека. До наших дней жертвы политических репрессий не дожили, но живы их дети, внуки, правнуки, которые хотят сохранить о них добрую память, хотят знать всю, пусть даже самую горькую, правду о том времени, когда в их семьи пришла беда.

Знаете, как назывался злополучный документ, давший «зеленый свет» большому террору? Так вот, 30 июля 1937 года в действие вступил Указ Президиума Верховного Совета СССР «ОБ ОПЕРАЦИИ ПО РЕПРЕССИРОВАНИЮ БЫВШИХ КУЛАКОВ, УГОЛОВНИКОВ И ДРУГИХ АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ», подписанный «всесоюзным старостой» Михаилом Калининным. Знал бы Михаил Иванович, что этим Указом он подпишет приговор своей жене, которую отправят на десять лет в лагерь.

Хирургами объявленной операции стали репрессивные органы. Но ассистировали им активные помощники – доносили, сигнализировали, разоблачали на собраниях, съездах и пленумах.

Репрессии гуляли по стране и до 1937 года, достаточно заглянуть в Книгу памяти жертв политических репрессий ЕАО. Там датами арестов, расстрелов и заключений в тюрьмы и лагеря стоят и 1930, и 1931, и 1932 год – можно сказать, репрессивная машина, перемалывающая собственный народ, исправно работала все тридцатые годы. А до этого был «красный террор», объявленный в 1918 году, Постановление ЦК ВКП (б) от 30 января 1929 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

Но это все были цветочки по сравнению с репрессиями 1937 – 1938 годов, которые назвали «ежовщиной» по фамилии зловещего наркома внутренних дел. Именно тогда в стране началось безжалостное, не знающее аналогов наступление на цвет нации. Уничтожались партийные и хозяйственные деятели, руководители, ведущие специалисты, раскулачивались крепкие хозяйства. Аресту подвергались простые рабочие и крестьяне, в ЕАО были массово репрессированы казаки, корейцы, представители других народов. Достаточно посмотреть на фамилии в Книге памяти, чтобы понять – жернова репрессий перемалывали всех подряд, без разбору, от партийных вождей до домохозяек. Это была операция по живому.

Они были первыми

РЕПРЕССИРОВАННЫМ РУКОВОДИТЕЛЯМ ОБЛАСТИ ЧАЩЕ ВСЕГО В ВИНУ СТАВИЛИ СВЯЗЬ С ТРОЦКИСТАМИ И ЗИНОВЬЕВЦАМИ, которых считали контрреволюционерами. СТАТЬИ ЗА ЭТУ СВЯЗЬ БЫЛИ В ОСНОВНОМ РАССТРЕЛЬНЫЕ.

В марте 1937 года был расстрелян как контрреволюционер сорокалетний председатель облисполкома ЕАО **Иосиф Израйлевич Либерберг**, о трагической судьбе которого не раз рассказывала наша газета. Он возглавлял область с января 1935-го до августа 1936 года. На восемь лет лагерей была осуждена как член семьи изменника Родины его жена **Надежда Абрамовна Либерберг-Гольдштейн**. Этот срок она исправно отбыла и потом долго боролась за восстановление честного имени своего мужа. Реабилитировали Иосифа Либерберга в мае 1956 года.

Его преемником на посту руководителя области стал **Михаил Абрамович Каттель**. Но уже через несколько месяцев, в январе 1937 года, он также был репрессирован и приговорен к расстрелу за контрреволюционную деятельность.

Подверглись репрессиям и партийные руководители области. Меньше двух лет пробыл в должности первого секретаря обкома ВКП(б) **Матвей Павлович Хавкин**. Арестовали его в январе 1938 года. Ему предъявили обвинение в создании областной антисоветской правотроцкистской организации, руководителем которой он якобы являлся. Высшей меры наказания Хавкину удалось избежать, его осудили на 15 лет лагерей. На свободу он вышел в 1950 году, а в январе 1956 года был реабилитирован.

Арестован и приговорен к большому сроку за связь с «врагом народа» был младший брат Хавкина Семен – один из руководителей областного управления связи.

В мае 1937 года первым секретарем обкома партии стал **Арон Борисович Рыськин**, а уже в октябре того же года он был снят с должности как «не заслуживающий политического доверия», а затем арестован и расстрелян.

В одно время с Рыськиным арестовали второго секретаря обкома партии **Янкеля Ароновича Левина**. Именно он был первым редактором газеты «Биробиджанер штерн», многое сделал для становления областной прессы. Но тоже оказался «контрреволюционером» и «врагом народа». Янкеля Левина расстреляли в Хабаровске 14 апреля 1938 года, когда ему исполнилось 50 лет. Реабилитировали тоже в «юбилейном» 1958 году. Такие вот были подарочки.

Не повезло и первым комсомольским руководителям области. **Николай Александрович Благой** всего год пробыл в должности первого секретаря обкома ВЛКСМ, затем ушел работать столяром в банно-прачечный комбинат. Но не ушел от ареста и расстрельного приговора: осудили его по трем тяжелым статьям и как шпиона – изменника Родины, и как террориста, и как контрреволюционера. А вся его вина была в том, что он, уроженец Польши, не терял связи со своими оставшимися там родственниками.

В январе 1937 года первым секретарем обкома комсомола ЕАО стал **Абрам Менделевич Рутенберг**. В октябре того же года его освободили от этой должности, а в августе 1938-го арестовали. Но дело рассыпалось, Рутенберг был освобожден и уехал жить и работать в Николаевск-на-Амуре. Но в 1950 году был снова арестован и осужден на 10 лет лагерей. Освободили его и полностью реабилитировали в 1955 году.

Жертвой репрессий стал **Исаак Моисеевич Рашкес**, который с 1932 года был председателем Биробиджанского поселкового совета. Его арестовали в 1938 году, когда

он работал в Центральном Совете ОЗЕта. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Исаака Рашкеса к высшей мере наказания 12 сентября 1938 года, а уже через три дня расстрельный приговор привели в исполнение.

В октябре 1937 года прошел пленум обкома партии, который поистине оказался трагическим для многих его участников. Именно на этом пленуме были исключены из партии Арон Рыськин и Янкель Левин, выведены из состава обкома первые секретари Смидовичского, Бирского и Сталинского районов и еще более десяти ответственных работников. Все они вскоре были репрессированы.

Расстрелян за ... книги

Шоком стал для студентов Биробиджанского педагогического техникума арест в ноябре 1937 года их директора **Ихилия Срульевича Рабиновича**. В оппозиции и антипартийных группировках он не состоял, партийных взысканий не имел. А обвинили его в том, что в библиотеке техникума была обнаружена троцкистская литература, также в вину ему ставилась связь с контрреволюционером Либербергом, которого Рабинович знал еще по Киеву. Этим двух обвинений оказалось достаточно, чтобы осудить педагога по трем расстрельным статьям. В 1957 году Ихилия Рабиновича реабилитировали посмертно за отсутствием состава преступления.

Но одним директором дело не ограничилось. В том же ноябре 1937-го арестовали, а вскоре расстреляли студента **Беньямина Заенца**, на 10 лет лагерей была осуждена студентка **Эстер Глазман**. А еще раньше, в сентябре, была арестована секретарь техникума **Лия Михайловна Гейдельман**. Особым совещанием при НКВД СССР 28-летнюю женщину приговорили к десятилетнему заключению.

В августе 1938 года арестовали педагога техникума **Кондрата Емельяновича Шамина**. За компанию с отцом через несколько дней забрали двух его сыновей – моториста «Биробиджанстроя» Григория и строителя Дмитрия. Всех троих осудила в один день, 14 августа 1938 года, тройка УНКВД по Дальневосточному краю – на десять лет лагерей. Каждого. Реабилитировали отца и сыновей только в 1965 году.

В декабре 1940 года педтехникум снова был потрясен арестами. Вот как рассказал об этом Лазарь Моисеевич Брусиловский, ставший свидетелем этих трагических событий:

«Поводом к аресту стало сочинение «Со стипендией и без стипендии», которое нам, студентам, задал написать преподаватель **Бендет Яковлевич Копелевич**. Как раз накануне в стране отменили стипендии и это вызвало недовольство студентов. Мой сосед по общежитию, круглый отличник **Абрам Кобеливкер**, помню, так начал свое сочинение: «Как черная туча, спустилась на студентов Советской страны весть о том, что стипендий больше не будет. Кто же дал такой приказ?..». Парторг сообщил о сочинении в органы и в один день забрали и преподавателя Копелевича, и студента Кобеливкера. У Абрама было много книг, их долго выносили из общежития и грузили в милицейскую машину. Тоже в качестве вещдоков. Это произошло за неделю до Нового года, поэтому радости от праздника мы, студенты, да и преподаватели тоже, не испытывали».

Осудили Бендета Копелевича и Абрама Кобеливкера тоже в один день, 23 марта 1941 года. Преподаватель получил по приговору Верховного Суда СССР (тройки к тому времени отменили и приговоры стали гуманнее) восемь лет лагерей, студент – четыре.

В январе 1940 года на восемь лет была осуждена по статье 58-10 (пропаганда и агитация, призыв к свержению, подрыву и ослаблению Советской власти) студентка этого же техникума **Бэлла Серпик**. По статье 58-10 проходили и другие участники «педтехникумовского дела». Педагога **Зинаиду Ивановну Цветкову** органы достали в

марте 1945 года, а уже через месяц областной суд ЕАО вынес ей приговор – десять лет лагерей.

А НАЧАЛОСЬ ВСЕ С БИБЛИОТЕЧНЫХ КНИЖНЫХ ПОЛОК, ГДЕ НАХОДИЛИСЬ «ВРЕДНЫЕ» КНИГИ, ПОДРЫВАЮЩИЕ ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

Спустя десять лет на задворках библиотек будут пылать костры из книг еврейских писателей и поэтов, приговоренных к уничтожению.

Сын за отцом, брат за братом

Казачество в области стало подвергаться репрессиям в начале 1930-х годов – тогда по контрреволюционным статьям были расстреляны, раскулачены и отправлены в лагеря либо на спецпоселение многие жители Самары, Пузино, Кукелево, Екатерино-Никольского, Нагибово и других сел – бывших казачьих станиц.

Вторая чистка сельских рядов началась в 1937 году. Жительница села Дежнево Валерия Герасимович вспоминала, как летом 1937 года везли ее отца и других арестованных:

«Урожай в тот год выдался отменный, но убирать его было некому, пшеница осыпалась на корню. К нам в Дежнево свозили арестованных из соседних сел. Размещали их в сарае, как скот.

КОГДА ПРИШЕЛ ЗА АРЕСТОВАННЫМИ ПАРХОД, КРИКИ СТОЯЛИ ДУШЕРАЗДИРАЮЩИЕ, МАТЕРИ, ЖЕНЫ И ДЕТИ ШЛИ ЗА ЭТОЙ ПРОЦЕССИЕЙ И ГОЛОСИЛИ ПО МУЖИКАМ КАК ПО ПОКОЙНИКАМ.

Увозили на том пароходе и моего отца Александра Воронова. Назад он не вернулся – его, как и многих других, расстреляли».

Александр Иванович Воронов был бригадиром тракторной бригады при Усть-Сунгарийской МТС, комсомольским вожаком села. Взяли его по статье «за вредительство», но скорее всего, свою роль сыграл арест в 1933 году его отца **Ивана Лукича Воронова**. В тот год осудили и других родственников Александра Ивановича. А в 1938-м был арестован его двоюродный брат и тезка **Александр Николаевич Воронов**. Оба Александра были расстреляны.

В 1937 и 1938 годах пострадали в Дежнево родственники **Кальяновы – Андрей, Георгий, Дмитрий и Федор**, последнего приговорили к расстрелу. Расстреляли колхозников **Семена и Прокопия Кутенких**. Пострадали **Владимир, Григорий, Сергей и Федор Любины**. Сергея и Федора расстреляли, Владимир, не дождавшись приговора, умер в следственной тюрьме, Григория осудили на 3 года условно.

1938 год стал роковым для **братьев Паздниковых** из села Башмак. Это были трудолюбивые, энергичные люди, приехавшие из села Квашино осваивать новые земли. Первым арестовали в декабре 1937 года старшего брата **Тихона Ивановича** и через три месяца расстреляли. В один день, 5 августа 1938 года, забрали **Ерофея и Степана**, 11 августа пришли за **Федором**. Обвинения против них выдвигались чудовищные: мол, готовили вооруженное восстание против советской власти, а для достижения этой цели умышленно ей вредили: травили колхозный скот (один из братьев был ветеринаром), уничтожали пчел на колхозной пасеке, ломали технику – двое из братьев были трактористами. Ерофей, Степан и Федор разделили судьбу старшего брата – их расстреляли в один день, 27 октября 1938 года.

Мне приходилось встречаться с сыновьями Степана и Ерофея Паздниковых. Иван Степанович рассказывал, как мать долгое время скрывала от детей смерть отца и писала

от его имени письма, которые им зачитывала. А Владимир Ерофеевич Паздников в 1970-е годы стал Героем Социалистического Труда и сейчас проживает в селе Степном Ленинского района.

Многие дети репрессированных сложили свои головы на фронтах Великой Отечественной войны, защищая Родину, другие вернулись домой с наградами, а после войны честно трудились.

В том же селе Дежнево был передовой совхоз, а в числе лучших работников были Вороновы, Кутенких и Любины. Передовым был и совхоз «Пограничный» в селе Екатерино-Никольском, где в годы репрессий пострадало около двухсот человек. Более пятидесяти из них были расстреляны.

[Иосиф Либерберг](#)

[Матвей Хавкин](#)

Фото из ученической карточки члена КПСС № 02402710, апрель 1973 г.

[Арон Рыськин](#)

[Янкель Левин](#)

[Исаак Рашкес](#)

[Иосиф Рабин](#)

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Из шести с лишним тысяч репрессированных жителей ЕАО 1200 человек было расстреляно, 1700 отбывали наказание в тюрьмах и исправительно-трудовых лагерях, остальные были сосланы в спецпоселения.

Из 311 делегатов Первого областного съезда Советов было репрессировано 243 человека, 114 из них расстреляно.

Из 319 делегатов Второго съезда Советов к концу 1938 года репрессировали 227 человек, 166 из них были казнены или умерли в лагерях и тюрьмах.

Все двенадцать членов и кандидатов в члены бюро обкома партии, избранные 27 мая 1937 года на первом пленуме обкома ВКП(б), спустя год были репрессированы, большинство получило смертный приговор. Партийный актив был разогнан и в районах области.

На обозном заводе в Биробиджане в 1938 году раскрыли «антигосударственный заговор». Арестовывали «заговорщиков» целыми семьями. Самой трагичной была судьба семьи Гончаровых – 27 октября 1938 года были расстреляны все пять братьев, работавших на заводе: Василий Егорович, Илья Егорович, Прокопий Егорович, Семен Егорович и Тимофей Егорович. Самому старшему было 38 лет, младшему – 28.

Жертвами большого террора стали журналисты и литераторы.

Только в редакции «Биробиджанер штерн» было репрессировано двенадцать сотрудников. В их числе был писатель и журналист Иосиф Рабин. Было возбуждено дело о связи с троцкистами редактора газеты Генаха Казакевича, но оно было прекращено из-за смерти подозреваемого. А сотрудника газеты, поэта и писателя Эммануила Казакевича отказались принять в партию по той причине, что трое коммунистов, давших ему рекомендации, были арестованы как «враги народа».